

Мысль едва мелькнула — и Си Чжоу сам замер от изумления. Как такое вообще могло прийти ему в голову?

— Си Чжоу?

Уголок глаза словно охватило маленькое, обжигающе горячее пламя. Вэнь Суй не сдержался и немного отстранился. Только тогда Си Чжоу понял, что сам того не заметив, слишком сильно надавил. Ослабив движение, он медленно провёл по шраму той частью подушечки пальца, где не было мозолей, словно успокаивая испуганного крольчонка.

— Как ты здесь поранился? Так близко к глазу.

Услышав знакомый мягкий голос, Вэнь Суй словно вздохнул с облегчением:

— На прошлой неделе задело веткой на улице. Ничего страшного, — сказав это, он сам коснулся шрама и одновременно отпустил руку Си Чжоу. — Ты так и не договорил, что тебе нравится?

Казалось, Вэнь Суй всегда цеплялся за любые намёки о вкусах Си Чжоу, но теперь услышал лишь поверхностный смысл. «Впрочем, — подумал Си Чжоу, — это было чистой воды лукавство. Если только не иметь такой же изворотливый ум, как у него самого, кто бы мог подумать в том направлении?» Он выбрал трусливый обходной путь — нарочито двусмысленную фразу, которую поймёт лишь тот, кто сам запутался в своих чувствах, у кого в сердце полно извилин. Си Чжоу дёрнул меховую опушку капюшона Вэнь Суя:

— Мне нравится, как ты в нём выглядишь. Не находишь, что это очень похоже на Лапу?

— Чем похоже?

— Тем, что мордочка в царапинах.

А сейчас, с непроницаемым лицом, оскалившим зубы внутри — тем более. Си Чжоу повернулся и распахнул дверцу машины:

— Травмы на тренировках неизбежны, но будь осторожнее.

Оба, словно сговорившись, вновь вернулись к безопасной дистанции. Только один сделал это бессознательно, а другой — намеренно.

— На улице холодно, возвращайся скорее. Мне пора.

Вэнь Суй по-прежнему стоял на месте, не сразу уступив дорогу. Он и сам не знал, отчего медлит, но всё время казалось, что тут замешано что-то ещё. Увидев, что Си Чжоу наклонился, собираясь сесть в машину, он вдруг вспомнил:

— Мы встретим Новый год вместе?

Си Чжоу обернулся. Они раньше договаривались, что обе семьи будут отмечать Новый год сообща. Он, конечно, не забыл и думал, что как раз этот бессовестный глупыш не помнит. Си Чжоу задумался на пару секунд:

— Боюсь, в этом году не получится. Отец попросил меня приехать к нему, мы уже несколько лет не встречали Новый год вместе.

Такой ответ был для Вэнь Суя неожиданным. Он сначала опешил, потом только сообразил: отец Си Чжоу работает за границей по программе помощи Африке. Значит, если он поедет к нему...

— Когда у тебя самолёт?

— Послезавтра утром.

Так быстро...

— А когда вернёшься?

— Наверное, пробуду там до пятнадцатого числа или дольше.

Пятнадцатый день первого месяца... А десятого Вэнь Сую уже нужно возвращаться в команду. Си Чжоу знал это, но не сказал ни слова. Вэнь Суй глухо промычал: «А-а». Он должен был радоваться воссоединению отца и сына, но в сердце его закралось разочарование и какая-то невнятная обида.

— Счастливого пути, — выдавил он с трудом.

— Хорошо. Хочешь сказать что-то ещё?

— Нет. — На этот раз Вэнь Суй отступил на два шага, освобождая место, чтобы Си Чжоу мог открыть дверь машины.

Си Чжоу сел в машину.

— Тогда я поехал?

Рёв мотора заставил Вэнь Суя поднять глаза. И тут он увидел, что Си Чжоу, держась за руль, слегка повернулся к нему, и в его глазах светилась улыбка. В этом выражении читался какой-то хитрый огонёк, даже сладкое ликование от удавшейся проделки, но ни капли грусти

прощания. Вэнь Суй вдруг всё понял.

— Ты... Ты меня обманул?!

Он не успел договорить, как услышал голос Лян Шу:

— Сяо Чжоу!

Подъезд осветило светом открывшейся двери. Она подбежала к машине, будто специально подгадав момент, когда они уже попрощались.

— Хорошо, что ты ещё не уехал, я чуть не забыла, — Лян Шу открыла дверцу машины и положила два больших пакета на заднее сиденье. — Это приготовлено сегодня. Там внутри термобоксы, разогреешь дома. Всё, что останется, положи в морозилку. Передай немного своему дедушке, там есть его любимый паровой кекс.

— Спасибо, тётя. Вы слишком беспокоитесь.

Си Чжоу всё ещё прогревал машину. Вэнь Суй, видя, как Лян Шу закрывает дверь, вдруг приподнял уголки губ и с лукавой улыбкой спросил:

— А как вы с дедушкой Янь планируете встретить Новый год?

— Да, я ещё не спрашивала, — Лян Шу тоже вспомнила об этом. — Может, проведёте праздник у нас?

Си Чжоу, приподняв бровь, посмотрел на Вэнь Суя: «Ну и хитрюга!» Но Лян Шу врать он не

мог, поэтому сказал:

— В этом году возвращается отец, мы будем отмечать у бабушки, чтобы не беспокоить вас, дядя и тетя. Позже зайдём к вам с новогодними поздравлениями.

— Ну, хорошо, хорошо. Вы с отцом наконец-то воссоединитесь, это так редко бывает. Вам нужно побыть вместе.

Проводив взглядом отъезжающую машину Си Чжоу, Вэнь Суй тут же достал телефон и набрал сообщение: «Обманщик.jpg»

Си Чжоу: «Просто пошутил».

Вэнь Суй собирался отправить сообщение, чтобы выразить своё недовольство, но не ожидал, что так быстро получит ответ и предупредил: «Не пиши сообщения за рулём».

«Я остановился у обочины, чтобы ответить тебе. Я осторожен. Ты обиделся?»

Си Чжоу в последнее время всё больше шутил, наверняка научился этому у Чжэн Сюйжана.

— Сяо Суй, иди скорее! — Лян Шу позвала его к лифту, и Вэнь Суй убрал телефон.

Войдя в квартиру, он первым делом отправил Си Чжоу сообщение: «Сосредоточься на дороге. Дай знать, когда доедешь».

Перед сном Вэнь Суй читал в постели. Дорога утомила, веки предательски слипались. Когда он уже почти отключился, телефон завибрировал.

— Я только что приехал.

Со стороны Си Чжоу слышалось мяуканье Лапы, и Вэнь Суй мгновенно проснулся.

— Ты, наверное, очень устал за рулём?

— За рулём не так устаёшь, как в поезде. Ложись спать пораньше, разве ты завтра не договаривался куда-то пойти с Юань Мэном?

Вэнь Суя всё ещё беспокоил один вопрос:

— Почему сегодня ты был расстроен?

Он чувствовал, что забыл что-то спросить перед расставанием, и это был не вопрос про Новый год. Возможно, по телефону говорить было проще, чем лицом к лицу. На этот раз Си Чжоу ответил быстро:

— Потому что наш сяо Суй становится всё лучше, и мы с дядей и тётёй можем видеться с тобой так редко. Я начинаю немного завидовать твоим товарищам по команде.

Правда это была или нет, Вэнь Суй, услышав эти слова, опешил.

— Так ты расстроился из-за этого?

— А разве этого мало?

Хорошенько подумав, Вэнь Суй понял, что это действительно серьёзная проблема.

— Ладно, — он решил принять это объяснение. — Я постараюсь, но, возможно, всё равно не смогу часто приезжать...

Раньше, когда у него не было никого близкого, он не мог по-настоящему понять тоску солдат, охраняющих границы, по дому, а теперь странным образом проникся их болью. Но он был практиком, поэтому его больше волновало, как найти подходящее решение. Если корень болезни невозможно искоренить, нужно хотя бы найти способ облегчить симптомы.

— Тогда, если ты уже расстроен, что мне сделать, чтобы ты чувствовал себя лучше?

Си Чжоу засмеялся, явно тронутый этими словами.

— Не нужно так беспокоиться. Ты можешь меня игнорировать, через какое-то время само пройдёт.

— Но я не хочу, чтобы ты грустил, — выпалил Вэнь Суй, по своей привычке выражая свои чувства открыто и прямо.

Си Чжоу сжимал телефон, чувствуя, как душа его тает. На фоне кристальной честности Вэнь Суя его собственные мысли казались ещё более потаёнными и недостойными света.

— Си Чжоу? Ты меня слышишь?

— Слышу, — Си Чжоу взял себя в руки. — Этот вопрос советую задать Лапе.

— Лапе? — Вэнь Суй нахмурился. — Она же не умеет говорить.

Си Чжоу поднял котёнка и почесал его за ушком.

— Мяу! — нежный звук донёлся до телефонной трубки. — Например, если Лапа расстроена, что ты будешь делать?

— Если Лапа расстроена...

Тогда он, конечно, будет её кормить и гладить, а также... Вэнь Суй вдруг задумался. Но неужели Си Чжоу говорил серьёзно? В последнее время он слишком часто шутил. Доверие к тому серьёзному, непреклонному тренеру Чжоу сильно пошатнулось.

— Шучу, — не дожидаясь новых вопросов, тут же признался Си Чжоу. Он быстро сменил тему, и вскоре разговор закончился.

Повесив трубку, Вэнь Суй уже закрывал глаза, как заметил, что экран телефона снова загорелся. Си Чжоу прислал ему стикер: «Тискаю зефирку.jpg» А затем написал: «Похоже на чьё-то личико?»

«Я не ребёнок».

«Кто отвечает, тот и ребёнок».

Доверие упало ниже плинтуса. Ну и детский сад!

Вдруг пришло ещё одно сообщение: «Счастлив.jpg»

Глядя на это улыбающееся кукольное личико, Вэнь Суй вдруг почувствовал радость, словно внутри него бурлили и поднимались вверх радостные пузырьки. Ладно, доверие немного восстановлено. По крайней мере, Си Чжоу сейчас был в хорошем настроении.

В Новый год Лян Шу приготовила вонтоны пяти благословений — с пятью разными начинками, пяти разных цветов. Прошлый год принёс им много радости, поэтому Вэнь Цунцзянь был особенно рад и выпил лишнего. Лян Шу составила мужу компанию, а Вэнь Суй пил кукурузный сок вместо алкоголя. Семья из трёх человек чокнулась стаканами.

— Желаю моему сыну в новом году исполнения всех желаний и удачи во всех начинаниях! — сказала Лян Шу.

Вэнь Цунцзянь подхватил:

— Пусть в этом году он попадёт в национальную сборную!

— Не дави на сяо Суя, всему своё время, — Лян Шу легонько коснулась стакана сына. — Мама просто хочет, чтобы ты был здоров, в безопасности и радовался каждый день.

Под конец оба родителя немного перебрали и, устроившись на диване, смотрели новогодний гала-концерт, а вскоре погрузились в душевные разговоры.

Вэнь Суй, оставив их наедине, вышел на балкон подышать свежим воздухом и отправил Си

Чжоу фотографии разноцветных вонтонов. Си Чжоу тоже ответил ему фотографией обеденного стола, но сделанной с точки зрения Лапы, сидящей у него на коленях. Лапа, наострив уши, смотрела на стол. Задняя часть её головы казалась ещё более круглой. К сожалению, на фотографии были видны только края тарелок с праздничной едой.

На третий день Нового года вся семья отправилась к дедушке Си Чжоу, чтобы поздравить его. Вэнь Суй почему-то немного нервничал, но, приехав, обнаружил, что отца Си Чжоу там нет.

Янь Миншэн пожаловался:

— Он обещал вернуться домой на Новый год, но за день до этого передумал. Эх, на него совсем нельзя положиться.

Вэнь Суй вдруг вспомнил фотографию новогоднего ужина, которую прислал Си Чжоу и понял, почему на том фото была только кошка. Неудивительно, что он не сфотографировал стол целиком — боялся, что его обман раскроется.

Лян Шу и Вэнь Цунцзянь давно не виделись с Янь Миншэном, и пока они разговаривали, Вэнь Суй тихо сказал Си Чжоу:

— Тебе следовало сказать мне об этом.

— Когда я узнал, было уже поздно, не хотел тебя беспокоить.

Выражение его лица было таким по-щенячьи виноватым, что у Вэнь Суя защемило сердце.

Вэнь Цунцзянь и Лян Шу тоже очень сожалели, и чтобы компенсировать отсутствие праздничной суеты в Новый год, они решили задержаться у Янь Миншэна подольше. Около семи вечера Си Чжоу позвонили и сказали, что ему нужно срочно вернуться, и все начали прощаться.

— Дядя и тётя, ежайте, я вызову такси, — сказал он.

— А где твоя машина? — спросил Вэнь Суй.

— Сломалась, — Си Чжоу посмотрел на телефон: казалось, он немного торопится.

— Как это сломалась? — спросил Вэнь Цунцзянь.

— А как ещё? — проворчал Янь Миншэн. — Этот ребёнок обычно не ездит на машине, и непонятно, зачем её вообще купил. Всё время стоит, вот и заглохла после последней дальней поездки. Даже говорить с ним об этом лень.

Вэнь Суй промолчал. Старик, вероятно, думал о потраченных деньгах, но Вэнь Суй догадывался, в чём дело. Вэнь Цунцзянь открыл свою машину.

— Мы тебя подвезём, не нужно такси.

Такси в праздники было не поймать, поэтому Си Чжоу согласился. Они с Вэнь Суем сели на заднее сиденье. Всю дорогу Си Чжоу хмурился, Лапу он с собой не взял, было очевидно, что у него какие-то проблемы. В середине пути ему снова позвонили. Си Чжоу всё время молчал, а после разговора его лицо стало ещё мрачнее. Вэнь Суй, глядя на него, вспомнил тот день прошлой зимой, когда они поднимались на заснеженную гору встречать рассвет.

Доехав до жилого комплекса, Си Чжоу не позволил машине заехать внутрь.

— Остановитесь здесь у дороги. Дядя и тётя, возвращайтесь поскорее.

Видя, как он быстро удаляется, Вэнь Суй вдруг почувствовал порыв и, прежде чем Вэнь Цунцзянь снова завёл машину, открыл дверь и выскочил.

— Эй, сяо Суй?

— Папа, мама, я поеду к Си Чжоу на пару дней, — сказал он и, не оглядываясь, побежал вслед за Си Чжоу.

Лян Шу несколько раз позвала его, но он уже убежал.

— Чего это он вдруг...

Вэнь Цунцзянь, смеясь, сказал:

— Что поделаешь, молодежь... Пусть делает, что хочет.

Лян Шу взялась за ремень безопасности, на её лице мелькнуло что-то сложное: тревога, смешанная с беспокойством. Вэнь Суй добежал до дома Си Чжоу, но так его и не увидел. Поднявшись наверх, он постучал в дверь, но ответа не было. Странно... Он же точно шёл в сторону дома? Вэнь Суй уже подумывал искать его в другом месте, когда, проходя мимо площадки между двумя домами, неожиданно услышал голоса.

— Шисюн, пойдём к тебе, поговорим.

— Тебе не рады в моём доме.

— Ты... ты всё ещё не можешь меня простить? Ты хочешь видеть меня вот таким — вечно

мучающимся от вины, побеждённым и раздавленным?

Это был Сюй Ичэн. За навесом для велосипедов лицом к лицу стояли двое мужчин. Сюй Ичэн был на свету, а фигура Си Чжоу скрывалась в тени, загороженная опорами навеса.

— Какое мне дело до твоих мучений и вины? — услышал Вэнь Суй голос Си Чжоу. — Ты сам не считаешь себя виноватым, почему я должен тебя прощать? Я тоже не считаю тебя виноватым, так что в этом нет необходимости.

— Шисюн Си, мы когда-то были хорошими друзьями, товарищами по команде, говорили, что вместе будем участвовать в соревнованиях и завоюем золотые медали. Когда ты получил травму, мне тоже было очень тяжело. Я уже извинялся перед тобой...

— Извинялся? — Си Чжоу усмехнулся. — Не все извинения достойны прощения.

— Но я же не хотел этого! — повысил голос Сюй Ичэн, который был чем-то взбудоражен. Он отбросил свою лицемерную маску и почти потерял самообладание.

— Я не специально! Я тогда тоже был ранен! Я не знал смогу ли тебя вытащить! Боялся повторных толчков. Я пошёл за спасателями, почему ты не хочешь мне верить?!

— Ты попросил Шэн Бэйфэя обманом заманить меня сюда, чтобы устроить здесь этот спектакль, и чтобы все услышали твои слова?

Сюй Ичэн стиснул зубы, но всё же понизил голос.

— Да, я был неправ. Но тогда команда, чтобы сохранить лицо, не позволила мне сделать публичное заявление. Ты же всё знаешь, неужели нужно и дальше так придирааться ко мне?

— Ты хочешь сказать, что я не должен заикливаться на моей сломанной руке? — Не говоря уже о сломанном будущем.

Сюй Ичэн потерял дар речи. Через некоторое время он выдавил:

— Ты всё-таки винишь меня.

Разговор, казалось, вернулся к исходной точке. Си Чжоу покачал головой:

— Ты всегда был таким — сваливал вину на других. Но пора бы уже прозреть: дело не в том, что кто-то тебя затмевает, это у тебя не хватает способностей.

Сюй Ичэна, казалось, задели за живое. Он стиснул зубы, но всё равно не хотел признавать свою вину:

— Наконец-то ты высказал, что у тебя на душе. Ты всегда смотрел на меня свысока? — Он странно усмехнулся и крикнул: — Да, я во многом тебе уступаю, но я хотя бы попал в национальную сборную, а ты нет!

Вэнь Суй едва сдержался, чтобы не броситься к нему, но увидел спину Си Чжоу. После недолгого молчания голос Сюй Ичэна дрогнул.

— Я... шисюн, прости, я не...

Си Чжоу тихо рассмеялся.

— Всё сказал?

Сюй Ичэн уныло смотрел на него какое-то время.

— Я просто хочу спросить, ты правда не сможешь меня простить?

— Я не святой.

Спокойный голос Си Чжоу, казалось, с трудом пробивался сквозь промёрзшую землю. Вэнь Суй, прислонившись к стене, невольно сжал кулаки. Он знал, что эти слова задели Си Чжоу: от него исходила такая сильная печаль, будто он был туго натянутой струной, готовой вот-вот порваться. Но сейчас подходить было нельзя. Си Чжоу всегда был мягким и спокойным, он редко бывал в таком состоянии. Если он хочет выплеснуть свои эмоции, пусть сделает это, не нужно ему мешать. Но Си Чжоу есть Си Чжоу. Этот порыв эмоций, подобно воздушному змею, сорвавшемуся с нитки, был тут же взят под контроль. Он, стоя в пронизывающем зимнем холоде, после последних слов, сказанных Сюй Ичэну, развернулся и пошёл прочь.

Си Чжоу не пошёл домой. Вэнь Суй незаметно последовал за ним, издали наблюдая, как он посмотрел на небо, потом на балкон третьего этажа, а затем повернулся и направился куда-то дальше.

Так они дошли до центрального сада. На перголе еще оставались засохшие ветви. пышная зелень, покрывавшая её летом, исчезла, оставив лишь голый каркас. В саду оставалась одна семья с ребенком, запускающим небольшие фейерверки. Запустив последние два, ребёнок, держась за руки родителей, весело поскакал прочь. На пустой площадке стало совсем тихо. На земле, словно пепел угасших искр, лежали остатки бенгальских огней и петард. Упадок, царивший после праздника, резко контрастировал с ярким великолепием момента их расцвета, вызывая щемящую грусть.

Си Чжоу сел на скамейку, медленно поднял руку, снял очки и слегка потер переносицу, словно от усталости. Затем он прижал основание ладони к глазнице, а после закрыл глаза обеими руками. Через некоторое время Вэнь Суй услышал глубокий вздох. Он сам не заметил, как оказался рядом.

Си Чжоу поднял глаза и увидел Вэнь Суй. На его лице появилось растерянное выражение, словно он только что проснулся и не понимает, где находится.

— Хочу пожить у тебя пару дней, — сказал Вэнь Суй. — С родителями я договорился.

Си Чжоу моргнул, глядя на него снизу вверх — словно на далёкую звезду, которую нельзя коснуться. Боль в груди Вэнь Суя стала невыносимой. Та импульсивная волна, которая зародилась ещё тогда, услышав те слова, теперь набрала полную силу. И когда Си Чжоу встал, снова устало отвернулся, снова показав Вэнь Сую лишь свою спину — она внезапно вырвалась наружу, точно вода из прорванной плотины.

— Си Чжоу.

Тот не успел обернуться — как вдруг оказался в объятиях. Теплое дыхание коснулось его висков и шеи. Он услышал, как тихий голос произнёс:

— Всё прошло. Всё хорошо. Не грусти, всё позади.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130131>